

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ТОМСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ
УКРЕПЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ
ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Часть 70

Издательство Томского университета
2016

Целями же применения ПММХ являются: 1) излечение лиц или 2) улучшение их психического состояния, а также 3) предупреждение совершения ими новых деяний (ст. 98 УК РФ).

Таким образом, судя по положениям УК РФ, нет ни одной цели, которая бы относилась ко всем уголовно-правовым мерам, применяемым к лицу, совершившему преступление (деяние); общее же количество этих целей достигает пяти: 1) восстановление социальной справедливости (возмещение причиненного ущерба); 2) исправление осужденного; 3) предупреждение совершения новых преступлений (деяний); 4) излечение лица; 5) улучшение психического состояния лица.

Исходя из того, что уголовно-исполнительное законодательство регулирует вопросы исполнения наказаний и условного осуждения, по логике, по меньшей мере хотя бы первые три цели из вышеназванных должны быть закреплены в УИК РФ. В то же время в ст. 1 УИК РФ определены всего лишь две из них: 1) исправление осужденных и 2) предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами.

Таким образом, очевидна необходимость обеспечения системного подхода к уголовно-правовому и уголовно-исполнительному регулированию целей применения всех уголовно-правовых мер, закрепленных в уголовном законодательстве.

НОВАЯ РЕДАКЦИЯ КОНЦЕПЦИИ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

В.А. Уткин

Проведённая в сентябре 2015 г. корректировка Концепции развития УИС Российской Федерации определялась целым рядом обстоятельств. Некоторые из них как недостатки системного свойства были очевидны уже в период принятия Концепции в 2010 г. Другие возникли в силу кризисных социально-экономических условий последующих периодов. Наконец, не секрет, что третья группа обстоятельств непосредственно связана со сменой руководства ФСИН России.

Как известно, основным вектором предыдущей версии Концепции была её направленность на всеобщую «тюрьмизацию» путём

замены системы существующих исправительных учреждений тюрьмами (их предполагалось создать свыше четырехсот), причём без увеличения бюджетного финансирования. Это само по себе уже вызвало обоснованные упреки в утопичности, в особенности в части перспектив широкого строительства тюрем, отвечающих международным стандартам.

В новой редакции Концепции раздел 2 исключён. Однако достаточно определённого ответа на вопрос, каким же в концептуальном плане предполагается дальнейшее развитие системы исправительных учреждений России, новая версия данного документа не даёт, ограничиваясь констатацией необходимости «создания условий для постепенного снижения количества осуждённых, содержащихся в исправительных учреждениях».

К сожалению, авторы новой редакции Концепции не воспользовались возможностью обновить её социологическую базу. В итоге в ней, например, прогнозируется значительный (до 200 тыс. чел.) рост осуждённых к наказаниям, не связанным с лишением свободы, что отнюдь не подтверждается тенденциями судебной практики за истекшее пятилетие.

Нельзя не приветствовать отказ новой версии Концепции от деления осуждённых на «исправимых» и «неисправимых» (способных и неспособных к ресоциализации). Это, безусловно, усиливает её гуманистический потенциал.

Примечательно появление в Концепции подраздела об обеспечении прав и законных интересов осуждённых и лиц, содержащихся под стражей, что особенно актуально в связи с появлением в мае 2015 г. новой версии Минимальных стандартных правил обращения с заключёнными («Правил Манделы»).

В принципиальном плане следует также отметить перенос акцентов с «обеспечения постепенной адаптации осуждённых...» на «проведение мероприятий, направленных на подготовку осуждённого к освобождению и последующей адаптации в обществе». На наш взгляд, это не случайно и вполне обоснованно, ибо уголовно-исполнительная система едва ли должна непосредственно заниматься вопросами трудового и бытового устройства осуждённых после освобождения. Как представляется, отмеченный перенос акцентов служит весомым дополнительным аргументом против предлагаемого некоторыми авторами расширения предмета уголовно-исполнительного законодательства.

Вместе с тем ряд важных аспектов развития уголовно-исполнительной системы отражён в Концепции неполно и даже противоречиво. Например, вопрос о самостоятельных организациях осуждённых фактически был снят с «повестки дня» в декабре 2011 г., когда ст. 111 УИК РФ была отменена. Однако в Концепции одновременно провозглашается «разработка новых подходов к формированию самостоятельных организаций...».

Аналогичное происходит со «службой пробации». В одной части Концепции содержится тезис о необходимости оптимизации структуры уголовно-исполнительных инспекций, создания новых инспекций и организации в отдалённых районах их «опорных пунктов». В другой её части предусмотрено создание специальной «службы пробации». Но ведь служба пробации, по мысли сторонников её внедрения, должна прийти на замену уголовно-исполнительных инспекциям (в необходимости чего, впрочем, мы не убеждены). Во всяком случае упомянутые и иные противоречия Концепции должны быть скорректированы и устранены в планах её реализации и их практическом осуществлении.

ЕВРОПЕЙСКИЕ ПЕНИТЕНЦИАРНЫЕ СИСТЕМЫ: «ПИСАННАЯ РЕАЛЬНОСТЬ» ЗАРУБЕЖНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ ИЛИ ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ РЕФРЕН?

П.В. Тепляшин

Исследуя европейские пенитенциарные системы, нельзя не отметить весьма актуальные и вместе с тем критические слова В.В. Лунеева: «Особо доказательной считается «писанная реальность» зарубежного происхождения. Как будто там все идеально. Как будто там нет серьезных криминологических проблем. Как будто в так называемых цивилизованных странах все одинаково, а не «по-своему»¹. Так, изучая статистические и фактологические данные, размещенные на сайтах международных исследовательских организаций, официальные отчеты различных правозащитных межгосударственных структур, можно прийти к выводу о наличии

¹ Лунеев В.В. Тенденции современной преступности и борьбы с ней в России // Государство и право. 2004. № 1. С. 12.